

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

ДЕВЯТАЯ... БЕТХОВЕНА

В Рождество 25 декабря 1989 года у Бранденбургских ворот в Берлине сборный оркестр, составленный из музыкантов Германии, США, СССР, Франции и Великобритании под управлением американского композитора, пианиста и дирижёра Леонарда Бернстайна (евр. имя Арье-Лейб) исполнил в честь падения Берлинской стены 4-ю финальную часть 9-й симфонии Людвиг ван Бетховина «Оду к радости». В тексте оды слово «Freude» (нем. «радость») было заменено на «Freiheit» (нем. «свобода») и таким образом произведение превратилось в «Оду свободе».

Это событие, очевидно, является единственным феноменом, когда оркестры пяти ведущих государств планеты доказали, что во имя мира музыка может и должна объединять народы. К великому сожалению, главы ведущих государств не продолжили данный пример призыва музыки к объединению мира.

Они предпочли военные марши, но не классику великих композиторов.

Очевидно, правители даже противодействовали этим намерениям. Результат их отрицательных амбиций мы видим сегодня в бесконечных войнах.

В 1785 году немецкий поэт Фридрих Шиллер создает «Оду к радости», призывающую людей к объединению и сплочению. Оно являлось отражением революционного времени, когда люди мечтали создать новое общество и сделать жизнь лучше. Сочинение несло не только общекультурную, но и социальную значимость. Впоследствии именно это произведение привлекло внимание одного из самых успешных композиторов современности – Людвиг ван Бетховина.

Симфония возникла как синтез двух произведений, изначально задумывавшихся автором отдельно – собственно симфонии с хоровым финалом и полностью инструментальной работы в тональности ре минор. Над фрагментами обоих Бетховен работал более десятка лет. Лишь в 1822 году эти планы соединились в идею общего произведения. Решение ввести в финал «Оду к радости» Фридриха Шиллера (которую Бетховен мечтал инструментовать ещё с 1790-х годов в период учёбы у Йозефа Гайдна) было принято в 1823 году. Однако даже после премьеры, по воспоминаниям друзей, композитор рассматривал возможность сделать 4-ю часть полностью инструментальной, отказавшись от вокальной составляющей.

«Оду к радости» переписывали от руки. На нее было создано очень много песен. Ни одна из них не стала общезначимым шедевром, хотя и до Бетховена музыку на эти стихи писали очень многие. В 1803 г., готовя к изданию собрание своих стихотворений, Шиллер сделал вторую редакцию «Оды к радости». Он ее несколько сократил и изменил некоторые выражения. Именно эта вторая редакция легла в основу текста финала 9-й симфонии.

Премьера, состоявшаяся 7 мая 1824 года в одном из фешенебельных театров Вены, прошла с оглушительным успехом. Бетховен, к этому моменту полностью оглохший, уступил дирижёрское место капельмейстеру Михаэлю Умплауфу, а сам, стоя у рампы, лишь подавал знаками темп каждой части.

Хотя сложное произведение из-за недостатка времени было едва разучено музыкантами, у публики оно вызвало восторг. По его завершении овация продолжалась так долго, что её пришлось останавливать полиции, многие слушатели плакали. Композитор из-за глухоты не слышал аплодисментов, и один из оркестрантов развернул

его лицом к залу, чтобы он мог хотя бы видеть реакцию слушателей. Зал взорвался овациями, гул аплодисментов был нескончаемым. Автор увидел, какое впечатление произвела симфония на людей. Благодарная публика кидала в воздух шляпы. Мечта Бетховена сбылась, музыка сумела объединить людей, сплотить их. Разве это не лучшая благодарность для творца?

Новаторство Бетховена заключается в введении в инструментальную композицию вокальной музыки. Многие музыкальные исследователи рассматривают финальное сочинение Бетховена, как «мессу», повествующую о Ветхом Завете.

Тема радости излагается в партии бас-солиста. Картина торжества подхватывается звучным хором. Особенно ярко звучит тема «Обнимитесь миллионы!», которая с точки зрения полифонии виртуозно объединена с темой радости.

Симфония еще раз подтвердила гениальность автора и была признана публикой. К сожалению, больших материальных средств она автору не принесла. К тому же, хотя сочинение было посвящено королю Пруссии Фридриху-Вильгельму, королевская особа на премьере не явилась и самые дорогие места в концертном зале остались пустыми, поэтому исполнение симфонии не окупилось композитору, и гонорар оказался ничтожно мал. Великий Бетховен еле сводил концы с концами. Иной раз он даже не выходил на улицу, так как его ботинки были давно изношены.

Кантата «Ода к Радости», включенная в симфонический цикл, это масштабный гимн человеческого духа. Девятая симфония совмещает полярные аффекты. Так эмоциональный накал может сменяться спокойствием и умиротворением, героизм уступает место лирическим моментам, светская по определению музыка имеет ярко выраженные черты религиозной музыки. Рихард Вагнер называл 9-ю симфонию Бетховена «одним из первых образцов «универсальных произведений искусства» или «всеобъемлющей формы искусства».

Тематически симфония № 9 олицетворяет постепенное движение от мрака к свету. Чтобы сделать его максимально последовательным, Бетховен отошёл от канонов построения симфонического цикла, поменяв местами быструю и медленную части в середине. Монументальная 1-я часть симфонии, аллегро, написана в сонатной форме. Русский художник А.Н.Серов в 1868 году писал:

Все ужасы войны – подкладка для этой первой части... это вместе – глубочайшее философское воплощение в звуках тёмных страниц истории человечества, страниц вечной борьбы, вечных сомнений, вечного уныния, вечной печали, среди которых радость, счастье мелькают мимолётным, как молния, проблеском.

С 1972 года отрывок из прелюдии к «Оде к радости» из 4-й части симфонии № 9 является гимном Совета Европы. Дирижёру Герберту фон Караяну были заказаны три аранжировки: для фортепиано, духового и симфонического оркестров. И он великолепно справился с такой сложной задачей.

С 1985 года эта же музыка стала уже гимном Евросоюза.

Многогранность музыкального материала позволяет создать атмосферу, свойственную искусству кинематографа. Это объясняет популярность 9-й симфонии в использовании в современных фильмах.

В 2003 году авторская рукопись 9-й симфонии, хранящаяся в Берлинской государственной библиотеке, была включена ЮНЕСКО в список объектов всемирного документального наследия «Память мира».

Девятая симфония – это послание к человечеству. Искусство Бетховена заключалось в служении людям. Пройдя сквозь времена, его музыка стала носителем идеальной идеи о равенстве и братстве миллионов людей.

Эта музыка вечна!

Вся симфония в целом – это своеобразный завет Бетховена, его личное руководство по усовершенствованию человечества, его личный указатель, направленный

к лучшему миру. Разумеется, это произведение воплотило в себе, вероятно, в последний раз все иллюзии и мечты века Просвещения. Вместе с тем Бетховен осуществил здесь прорыв за рамки всех художественных условностей. Он опрокинул понятия о том, что может и что не может позволять себе музыка и музыкант, какой должна и какой не может быть классическая симфония, что должен оркестр и чего он не должен. Он чувствовал себя здесь совершенно свободным.

Первый из делавар

Вспомнить о племени делаваров подтолкнули меня превратности судьбы, переселившей меня в некогда заселенную этим племенем местность.

С делаварами мы познакомились ещё в юности, когда зачитывались приключенческими романами американского писателя Джеймса Фенимора Купера.

Любовь писателя к индейскому племени делавар, очевидно, была обусловлена местом рождения Фенимора Купера. А родился Джеймс в штате Нью Джерси в 1789 году в районе проживания племени делаваров в городе Берлингтон, штат Нью Джерси, основанного квакерами 24 октября 1693 года. Фенимор был одиннадцатым ребенком из двенадцати детей. Вскоре после его рождения отец, конгрессмен, судья Уильям Купер, достаточно богатый землевладелец, квакер, переезжает с семьей в штат Нью Йорк. Здесь, на берегу озера Оцего, отец основал поселок Куперстаун, в дальнейшем получивший статус города.

В возрасте 13 лет Джеймс поступает в Йельский университет. Однако, спустя три года учебы чересчур активный юноша был исключен из университета из-за шаловливого розыгрыша над сокурсником.

Фенимор поступает на морскую службу в торговый флот (1806-1811). Во время плавания он посещает Англию и Испанию.

В 1811 году будущий президент Томас Джефферсон подписывает приказ о присвоении Куперу офицерского звания.

После нескольких морских походов, Фенимор возвращается в родной Нью Йорк и назначается охранять постройку военного судна на озере Онтарио.

Он часто бродил по окрестным лесам, исследовал озеро и местных жителей – индейцев. Очевидно, это обстоятельство и сыграло главную роль в описаниях Онтарио в его произведении «Следопыт».

Женившись в 1811 году на француженке Сьюзан Аугусте Деланси, семья которой симпатизировала Англии во время войны за независимость, Фенимор в молодом возрасте весьма мягко отзывался об англичанах. У супругов родилось семеро детей, двое из которых скончались в младенчестве.

В принципе, Фенимор не собирался стать писателем и продолжал бы свою военную карьеру, если бы не спор, возникший между ним и его супругой во время чтения какого-то рассказа из популярного журнала. Озадаченный слабостью опубликованного произведения, Фенимор, читая его вслух жене, в сердцах заявил, что он мог бы написать рассказ гораздо лучше некомпетентного автора.

Сьюзан, разумеется, как всякая супруга, усомнилась в способностях мужа и была «наказана» амбициозным моряком созданием им первого своего романа «Предосторожность» (1820 г.) Так, только из принципа, и родился одаренный писатель приключенческого жанра.

По словам критиков это было «второразрядное или даже третьеразрядное подражание», и было действительно лишь пробой пера. Если впоследствии книгу все-таки переиздавали, то это происходило только потому, что читатели жадно набрасывались на любое сочинение, на обложке которого стояло имя проставленного романиста.

Джеймсу Фенимору Куперу был 31 год.

Здесь автор доверяет данному эпизоду биографии Купера, поскольку именно в такой же ситуации в разговоре с супругой критически прошелся по довольно популярному отказнику, пробовавшему себя в писательстве. Автор также, как и Фенимор, решил его перещеголять и «назло» супруге выполнил свое обещание.

Уже в 1823 г. Купер пишет роман «Пионеры», а в 1826 году самый знаменитый свой роман «Последний из могикиан».

Автор не ставил себе задачу дать анализ перспективы творчества Ф.Купера.

Просто оказавшись в глубинке региона его приключенческих романов, автор хотел узнать историю о населявших эту территорию племенах. И, разумеется, не мог не отметить роль замечательного романиста Ф.Купера.

Писатель становится пропагандистом гордого, честного и трудолюбивого племени ленапе, ибо, как я уже упоминал вначале, родина будущего писателя находилась как раз в центре пребывания племени ленапе. Именно так называлось племя до присвоения ему в дальнейшем псевдонима, благодаря английскому капитану Сэму Аргайлу, решившему назвать залив, на котором жили ленапе, в честь сэра Томаса Уэста, лорда де ла Вэрра (Делавер). Сам лорд никогда не бывал в этих местах, но название прижилось настолько, что его стали относить и к местным жителям. Так пожизненный губернатор штата Виргиния стал основателем имен залива, реки, индейского племени, университета и штата. Река «Делавар» протекает через родной город классика приключенческой литературы Фенимора Купера – Берлингтон. Поэтому произведения Купера полностью арендовали синоним «делавары», хотя писателем Фенимор стал не в Берлингтоне, а в Куперстауне.

Согласно истории существования индейских племен Северной Америки, племя ленапе (делавары) нисколько не отличалось от других подобных племен. Единственная правда, проходящая красной нитью среди приключенческих произведений Фенимора Купера, является то, что непримиримым и смертельным врагом племени делавар действительно было соседнее племя ирокезов. Мало того, соседи главенствовали во всех столкновениях с делаварами. Они изощрялись в унижении и разграблении их стоянок, закабалении в рабство целых племен. Известен факт, когда ирокезы издевательски оскорбили мужчин ленапе, заставив их надеть женские юбки.

К моменту прихода европейцев делавары представляли собой общество охотников и собирателей, однако с широким использованием сельского хозяйства. Они прожигали вдоль реки Делавар, Гудзон, а также на Лонг-Айленде. Делавары выработали весьма сложные методы охоты, в то же время их сельское хозяйство было примитивным, основанным на подсечно-огневом методе, а их поселения являлись сезонными. Повышенный спрос на меха со стороны европейцев привёл к тому, что делавары извели слишком много бобров в низовьях Гудзона. Это заставило скупщиков голландцев переместить торговые точки в другие места, ввиду чего в племени ленапе наступил тяжёлый экономический кризис. Делавары первыми из индейских племён заключили договор с правительством США в 1788 г. (их враги ирокезы воевали во время обеих войн за независимость на стороне Великобритании). Несмотря на тесное сотрудничество с правительством, делавары не были включены в состав Пяти цивилизованных племен, уровень развития которых европейские переселенцы считали близким к собственному. К 1700 году численность делаваров в результате войн и эпидемий сократилась до 4 тыс. человек. В 1845 делаваров оставалось около 2 тыс., столько же показала перепись 1910 года. Нынешнее население восстановилось до 16 тыс. человек, большинство из которых проживает в штате Оклахома.

Купер написал целую серию романов из американской жизни. В них он отобразил войны пришельцев-европейцев между собой, в которые они вовлекали американских индейцев, заставляя племена сражаться друг против друга.

В первой половине XIX в. Купер считался одним из самых знаменитых, глубоких и широко читаемых авторов. Его слава порой затмевала лавры самого Вальтера

Скотта. Его поклонниками были Гете и Бальзак, Жорж Санд и Виктор Гюго, Белинский и Лермонтов, не считая десятков писателей и критиков менее прославленных. В течение десятилетий Европа воспринимала Америку сквозь призму куперовских романов.

Изобретатель телеграфа С. Морзе свидетельствовал: «Я посетил многие европейские страны и все, что я говорю о славе Купера, основано на собственных наблюдениях. В любом большом европейском городе, где бы я ни побывал, произведения Купера занимают почетное место в витринах каждого книжного магазина. Их публикуют в 34 городах Европы, едва только он их закончит. Американские путешественники видели их на турецком и персидском языках в Константинополе, в Египте, в Иерусалиме, в Исфahanе».

Интересно, что сам город Берлингтон не особенно чтит своего единственного именитого земляка.

Находясь в Берлингтоне, автор нашел дом, где родился писатель. Это не музей, и дом сохранился лишь потому, что живут в нем совершенно посторонние Джемсу Фенимору Куперу владельцы. Досадно, что в родном городе за более, чем 160 лет после смерти писателя, не нашлось финансовых средств на сооружение ему не только памятника, но и достойной мемориальной доски. Примитивная, почерневшая от времени, почти заржавленная, узенькая, медная табличка напоминает прохожим, что в этом доме родился (просто) Джеймс Фенимор Купер. К тому же её можно обнаружить, лишь нагнувшись на уровень подростка и вплотную к ней приблизившись.

Как само собой разумеющееся, в городе нет ни памятника, ни даже барельефа писателю. На удивление случайно обнаружил улицу Купера (Cooper Street).

В конце 1840-х годов состояние здоровья Купера резко ухудшилось, он уже не мог ходить, не мог писать и время от времени диктовал страницы истории Нью-Йорка своей дочери Шарлотте. Его последняя книга «Новые веяния» вышла в 1850 году.

14 сентября 1851г. Джеймс Фенимор Купер скончался от водянки накануне своего 62-летия. Похоронили его на семейном кладбище в Куперстауне (Нью Йорк). Его супруга, Сюзан Аугусте Деланси, пережила его на несколько месяцев.

На траурном собрании в зале нью-йоркской городской ратуши было решено начать сбор средств на памятник Куперу. Однако, то ли из-за бедности населения, то ли из-за незнания творчества своего земляка, но собранного количества денег было недостаточно, и деньги раздали друзьям и родственникам писателя, которые почему-то установили возле могилы писателя небольшую статую героя романа «Кожаный Чулок».

Вообще, фактически получается, что статуй героям романов писателя оказалось намного больше, чем памятников самому автору – Фенимору Куперу.

В 1853 г. дом Купера в Куперстауне сгорел, и на его месте позднее был воздвигнут памятник писателю работы известного скульптора Виктора Сальваторе, который и сегодня стоит посреди небольшой площади, на том самом месте, где творил свои произведения Купер.

Джеймс Фенимор Купер оставил после себя 32 романа. Однако наследие его весьма неравноценно.

С тех пор как в 1825 г. впервые был переведен на русский язык роман «Шпион», произведения Купера издавались в России более 230 раз, в том числе 8 раз выходили его собрания сочинений.

По линии отца из семи детей пошла только дочь Джеймса Сьюзен Фенимор Купер. Она стала писательницей и суфражисткой (участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав, против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни.) Известен её роман «Сельские часы», проповедующий смирение и христианское отношение к земле.

Писателем стал и его праправнук Пол Фенимор Купер. Родился в 1899 в Олбани, Нью Йорк. Умер Куперстауне в 1970. Известен роман «Остров затерянных».

Старушка не спеша дорожку перешла...

Продолжение текста куплетов, очевидно, не стоит напоминать.

В свой подростковый период я вскипал гневом, когда слышал начало песни, начинавшейся словами: «*старушка не спеша дорожку перешла...*». И не за содержание незатейливого куплета, а за типичное подражание еврейскому менталитету одесского разлива. Ведь, чтобы разозлить обычного еврея, достаточно было просто картавить и сделать специфический уклон песенки. Именно этого и добивались мои соседские ребята, чтобы как-то «насолить» мне. Вообще-то ребята не были «чистыми» антисемитами, но зная, чем можно уколоть еврейского интеллигентного мальчика, старались не упустить такого развлекательного момента. Этот куплет для меня был действительно «ахиллесовой пятой». Я сразу в полном остервенении кидался в драку с оскорбителем.

Конечно, в нашем интернациональном Баку «настоящие» антисемиты не водились. Местные национальности, как мне кажется, не знали даже, что означало это непонятное слово и потому еврейское население республики было защищено от этого зла, которое культивировалось в некоторых славянских республиках Союза. В нашем дворе жило несколько представителей этих республик. Вот они-то и изводили меня этим куплетом. Кстати, их родители не поощряли такие забавы своих отпрысков.

Самое интересное в этом противостоянии заключалось в том, что я и не догадывался, что эти куплеты в оригинале исполняются на еврейском языке идиш, поскольку являются чисто еврейским трактирным шансоном. Я считал, что песня создана именно в антисемитских целях. И верил в эту чепуху все 50 лет, что я прожил в Союзе. И только переехав в США и услышав здесь эти куплеты на идиш, я узнал истинную историю этой шальной песни.

Шолом Секунда родился в Украине и был музыкально одаренным мальчиком. В 1907 году его семья переехала в Америку. Шолом пел везде, где только его слушали, стал брать уроки музыки у композитора Эрнста Блоха и окончил институт музыкального искусства. Семья была бедна, и он подрабатывал в массовке в еврейском театре. Секунда считал себя классическим композитором, а на жизнь зарабатывал, сочиняя музыку для спектаклей на идише.

В 1932 году театр поставил музыкальную комедию «I Would if I Could», (на идише *Men Ken Lebn Nor Men Lost Nisht*), и там с огромным успехом прозвучала песня на слова Джейкоба Джейкобса «*Bei Mir Bistu Shein*» – «Для меня ты самая красивая». Исполнителей Аарона Лебедеффа и Люси Левайн много раз вызывали на бис. Но сам музык успех не имел и продержался всего один сезон. Авторы пытались пристроить историю в Голливуд, но там отказались, сочтя ее слишком местечковой.

«Вторую жизнь» песне дали в 1937 году Сэм Кан и Сол Чаплин (музыканты, писавшие в соавторстве слова к песням, впоследствии – оscarовские лауреаты за музыку к фильмам). Услышали они ее в одном из баров Гарлема в исполнении двух чернокожих певцов (они пели на идише). Мелодия очаровала Кана и Чаплина, и они обратились к «Каменсам», музыкальному издательству в Бруклине, с предложением выкупить песню. Выкупив права на песню у авторов (всего-то за 30 долларов), они обработали ее, написав английский текст. В конце того же года песня была записана в исполнении еще не слишком известного вокального трио сестер Эндрюс Систерз (*Andrews Sisters*) и таким образом она стала хитом.

Песню подхватил более известный вокальный дуэт сестер Бэрри (Клара и Минни Багельман), однако, они снова вернулись к исполнению на идиш.

Популярную песенку исполнили многие, не могли пройти мимо и такие исполнители, как Элла Фитцджеральд и Джуди Гарланд.

И зазвучал хит по всему миру. Он с триумфом исполнялся даже в Германии, пока кто-то из нацистских заправил не выяснил, что автором ее является еврей.

В Советском Союзе песня появилась в 30-х годах. И никто иной, как настоящий еврей Леонид Утесов – Лазарь (Лэйзер) Ибсифович Вайсбейн, первым подхвативший мотив, сочинил незамысловатый пародийный русский текст, которым воспользовались недалекие антисемиты. Исполнение куплетов принесло певцу кучу гонораров, а бедным айдам обычные еврейские неприятности.

В 1940 году советский школьник 9-го класса 242-й ленинградской школы Паша Гандельман, услышав исполненную Леонидом Утесовым песню «Моя красавица», решил создать новую поэтическую интерпретацию этой мелодии.

В моде были собственные сочинения молодых авторов и их с юношеским азартом распевали на молодежных вечеринках. Вот он и решил попробовать написать что-нибудь в этом роде. Цель была опробовать быстроту восприятия песни в народе. Павел писал по куплету на уроках литературы, а на переменах проверял эффект получившегося на одноклассниках. Одобренные куплеты переписывались и разбредались по дворам. Название песне дали по названию барка «Жанетта» из популярной в то время у школьников книги «Плавание «Жанетты» Джордж Де-Лонга, вышедшей в 1936 году в издательстве Главсевморпути.

Так появилась песня «Жанетта», которая по мере распространения изменялась и стала известна под названием «В Кейптаунском порту».

В 1941 году Павел Моисеевич Гандельман поступил в Военно-медицинскую академию. В годы Великой Отечественной войны участвовал в обороне Ленинграда. В блокаду был эвакуирован в Киров, откуда летом 42-го года с 3-го курса попал на Сталинградский фронт, из 205 курсантов с войны вернулись только половина. Был ранен. Награждён медалью «За победу над Германией» и Орденом Отечественной войны II степени. После войны окончил обучение, служил военным врачом, в 1970 году демобилизовался в звании подполковника. В 1970–1990 годах преподавал в Ленинградском педиатрическом медицинском институте. С 1990 года на пенсии.

«А бедная «Жанетта» подверглась такой радикальной обработке, что иногда ее трудно было узнать... Сюжетная канва, конечно, сохранялась, но за ее пределами у разных соавторов рождались вдохновенные фантазии. Скажем, наиболее привлекательной рекламой таверны Кэт оказалось то обстоятельство, что там «юбки узкие трещат по швам»; исход схватки в таверне живописался с точностью «до наоборот», и жертвами ее оказывались, как ни странно, французы, несмотря на двойное численное превосходство над англичанами; бедняга «Жанетта» пребывала в кейптаунском порту уже не «с кака на борту», а «с пробоиной в борту», что, впрочем, не изменило ее планов выйти на зоре в океан к другому континенту...», – писал в своих воспоминаниях Павел Моисеевич Гандельман.

К великой справедливости в 1961 году права на песню вернулись к Шолому Секунде и Джейкобу Джейкобсу. И уж тут-то композитор подписал договор с музыкальным издательством и вытребовал себе достойные проценты.

Этого хватило Секунде до конца жизни наслаждаться авторством хита, деньгами и славой. Мало того, после его смерти в 1974-м, права по закону еще 75 лет будут принадлежать его семье.

Но настоящую сенсацию песни устроила известный российский прозаик, поэтесса, драматург, сценарист, переводчица, исполнительница разных музыкальных направлений Людмила Стефановна Петрушевская. Москвичка, окончила факультет журналистики МГУ. Работала корреспондентом московских газет, сотрудницей издательств, с 1972 года – редактором на Центральной студии телевидения.

Петрушевская рано начала сочинять стихи, писать сценарии для студенческих вечеров, всерьез не задумываясь о писательской деятельности. Первые же пьесы были замечены самодеятельными театрами: пьеса «Уроки музыки» (1973) была поставлена в 1979 году Р. Виктюком в театре-студии ДК «Москворечье», а также В. Голиковым в театре-студии ЛГУ и почти сразу запрещена (напечатана лишь в 1983

году). Постановка «Чинзано» была осуществлена театром «Гаудеамус» во Львове. Профессиональные театры начали ставить пьесы Петрушевской в 1980-е годы: одноактная пьеса «Любовь» в Театре на Таганке, «Квартира Коломбины». Её произведения представляют собой своеобразную энциклопедию женской жизни от юности до старости.

Людмила Петрушевская получила Всемирную премию фэнтези – World Fantasy Award (WFA) – за лучший сборник рассказов, опубликованный в 2009 году.

В 72-х летнем возрасте она представила свою интерпретацию песни «Старушки...».

Пропустив первые щадящие куплеты по переговорам старушки с милицейским патрулем, перехожу на альтернативное решение проблемы штрафа пожилой дамы (леди Петрушевской) в ответ на угрозы представителей власти.

*ГБДД стоит,
Приняв упорный вид,
Старушку не желая отпустить:
Давно пора понять,
Что некуда лянть,
Придется, бабка, денежки отдать.*

*ГБДД наряд –
Он, может, сам не рад,
Начальству должен сдать
Он тысяч пять! (И не рублей...)*

*Старушка не спеша
Достала ППШ,
Сейчас я вам напомню вашу мать.
Я ветеран войны,
И вы понять должны,
Я снайпер – мне придется вас убрать.*

*С тех пор ни ГБДД,
Ни парни с МВД,
И никакой патруль
Не трогает бабуль!*

*Старушка не спеша
Дорожку перешла,
И бабушку никто не задержал.
Какой с бабули толк,
Их тут хороший полк,
И каждая, наверно, с ППШ!*

Таким образом, Людмила Петрушевская, наконец, очистила светлый образ Леонида Утесова от молодого удалства бездумного шансона.